

СОВРЕМЕННАЯ ПРОЗА
РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

АЛЕКСАНДР
ГАДОЛЬ

ALEXANDR
GADOL

«Прозу Александра Гадоль можно использовать для гадания. Открывать наугад и читать первую случайную фразу. Отличное развлечение для искушенного ума. Что ни слово, то откровение».

– ВИКТОР ПЕЛЕВИН

РЕЖИССЁР

ИНСТРУКЦИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ

DIRECTOR:
INSTRUCTIONS
FOR LIBERATION

«Александр Гадоль пишет краткую, концентрированную прозу, почти поэзию. Его тексты – результат не расчётливого ума, а живого сердца. Это не традиционная проза прошлого, а новая проза настоящего. После прочтения этой книги мир вокруг вас не будет прежним».

– АЛЕКСАНДР СНЕГИРЁВ

ЛАУРЕАТ
«РУССКОЙ
ПРЕМИИ»

18+
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ!

Александр Гадоль
Режиссёр. Инструкция
освобождения
Серия «.RU_Современная
проза русского зарубежья»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22874425
Режиссёр. Инструкция освобождения: Э; Москва; 2017
ISBN 978-5-699-94351-7

Аннотация

Действие романа «Режиссёр. Инструкция освобождения» происходит в городе на семи холмах: им может быть и Киев, и Днепр, и Москва, и множество иных городов. Эта непривязанность к конкретному городу служит приемом обобщения, распространением действия на все обитаемые места, где есть тюрьмы, а они есть везде, куда приходит человек. В городе, описанном в романе Александра Гадоля, протекает узнаваемая, вполне современная жизнь с ее мошенниками, ментами и подкупными судьями, имеющая точную временную привязку к той стране, где «пионеров уже лет двадцать не принимали в пионеры» и где тюрьма – один из самых востребованных институтов.

Содержание

Режиссер. Инструкция освобождения
Конец ознакомительного фрагмента.

5
71

Александр Гадоль

Режиссер. Инструкция

освобождения

© Гадоль А., 2017

© «ООО Издательство «Э», 2017

* * *

Режиссер. Инструкция освобождения

1

Больше всего на свете он боялся, что его запрут в комнате, набитой людьми, и его заперли в комнате, набитой людьми. Хата маленькая, на семнадцать нар, и переполнена, как трамвай в час пик. Люди входят и не выходят. Он жил в этом трамвае пять лет и многому научился. Научился жить без свежего воздуха, чистой воды, нормальной еды и одиночества, делать четки из расплавленных бутылок, ножи из кипятильников, шила из бритвенных станков, плести коня, метать ножи, спать при ярком свете и громкой музыке, не замечать клопов, мышей, клещей, тараканов, холод, жару, спертый воздух, обоссанные матрасы, людей, которые его ненавидят, тихо срать, незаметно плакать, теряться из виду, видеть, слышать, смотреть на одно и то же и замечать каждый раз разное, сходить с ума и возвращаться обратно, предугадывать события в замкнутом пространстве, мастерски играть в шахматы, сносить побои, драться быстро и качественно, различать людей, давать им что они хотят и забирать у них что ему нужно, верить без сомнений, отвечать на ис-

кушения твердым «нет» либо твердым «да», любить, как в книжках пишут, безответно и с ответом и ненавидеть, как бывает в кино.

Он был холоден и горяч. Испытал разное и помнит такое, что кажется, будто это было не с ним. Накопилась уйма интересных искрящихся мелочей. Всего понемногу. Он переполнен людьми, событиями, переживаниями. Он – маленькая копилка, набитая под завязку, не в силах двинуться с места, чтобы не нарушить и не расплескать. Он говорит, а оно лезет наружу. Чуть двинется, а оно сыплется через край. Оно бродит в нем, перегнивает, соединяется в новое, такое, чего не было, а теперь оно есть. Куда оно подевается, когда его не станет? Столько опыта, счастья и бед? Куда оно? Исчезнет с ним? Такая вкусная конфетка-ассорти.

Теперь он Супермен с планеты Криптон, где среди других суперменов был, как все, обыкновенным, а на Земле стал Суперменом. И когда его выпустят в мир, а его выпустят, ибо деваться некуда, то мир его больше не съест. Он этот мир сам съест.

2

Когда я начинал эти записи, то не знал, чем все закончится, поэтому часто сбивался на настоящее время. Я мог это исправить, но не исправил, потому что так мой рассказ похож на кино, где все происходит в настоящем времени, а зна-

чит, по-настоящему.

Может показаться, что текст излишне сух и изобилует штампами. Но этому есть оправдание. На стиль и манеру моего письма повлияла желтая книга, составленная из мудрых цитат царевича Сиддхартхи Гаутамы и его приспешников. Находясь под впечатлением от этой книги, я писал цельными устоявшимися фразами, какими говорят герои фильмов. Такая манера экономит бумагу, а в тюрьме бумаги всегда не хватает.

3

Тюрьма, где я был, построена из мусора. Из старых разрушенных домов взяли битые кирпичи, кафель, ржавые трубы и старые чугунные унитазы. Краской для пола покрасили нары. Намордники на окнах – отходы производства пивных крышечек, а решетки – ржавые железяки, выданные из бетонных плит.

По сути, тюрьма – свалка строительных отходов. Огромная мусорная куча, отсортированная и выложенная домиком. Живут в ней люди, которых другие люди признали отбросами. Питаются отбросы тем, что на воле выбрасывают на помойку.

Тюрьма с момента постройки выглядит развалиной. Новой ее никто не видел, даже старожилы – рецидивисты, у которых по сто отсидок. Ее латают, конопатят, стягивают вин-

тами, она вот-вот развалится, и это «вот-вот» рождает смутную надежду. Но тюрьма стоит, и если подсчитать, как долго она стоит, то надежда – не надежда, а безнадега.

Глядя на трещины, дыры, гнилую штукатурку, плесень, тараканов, клопов и следы чесоточных клещей на моих запястьях, я мечтал о разрушении. Я хотел, чтобы началась революция, война, снаряд попал в стену – и мы сбежали. Взрыв, война, любой катаклизм, вплоть до конца света, – об этом мечтают все зэки, интуитивно догадываясь, что без разрушения свободы не бывает.

Я фантазировал про яйцо и цыпленка. Яйцо разбивается, и появляется цыпленок. Эта метафора взбадривала по утрам, где-то между семью и десятью часами, когда в хате было тихо. Большинство арестантов отсыпалось после ночи, а меньшинство не создавало шума, чтобы большинство подольше не просыпалось.

4

Каждое утро проверка. Продольные заходят с наигранной смелостью, как дрессировщики в клетку с равнодушными зверьми. По углам брандспойты, на ремнях игрушечные револьверы. В камере жарко и пахнет зверинцем. Зэки в трусах. Глаза потускневшие, как у старых свиней, жопы грязные, зубы стертые.

Все мы едим свиное сало в невероятных количествах,

чтобы не заболеть туберкулезом. Оно не портится от жары, только желтеет. Когда сало невыносимо есть свежим, его варят с чесноком или жарят кипятильником.

Кипятильник – тюремный швейцарский нож. Он может то, чего другие не могут. Кипятильник распускают на заточки. Заточками режут хлеб, сало, вскрывают вены на локтевых сгибах.

Кипятильник может пригодиться на необитаемом острове, если на остров попадет зэк, а не кто-то другой. Другому кипятильник не пригодится.

5

Я спрашивал любого зэка, а что бы он выбрал – десять лет на острове или пять лет в тюрьме?

Зэк отвечал – на острове.

Суши из японского ресторана или мороженое?

Мороженое.

Дюжину устриц или яичницу?

Яичницу.

Бутылку шампанского или кружку чистой родниковой воды?

Зэк отвечал: «Шампанское», а потом, подумав, отвечал: «Воды».

Бывало, заходила кому-то чистая вода из артезианских источников. Мне доставалась кружка холодной очищенной во-

ды. Я сразу чувствовал разницу между водой со свободы и водой из тюрьмы. Разница такая, что хотелось плакать.

6

Из зловонной ниши под названием «дворик для прогулок» видно только небо. Небо сквозь сетку кажется близким и далеким. «Доступным и недоступным, как раскаявшаяся порнозвезда», – так однажды пошутил Режиссер, глядя вместе со всеми на решетчатый потолок.

Все, кто стоял рядом с ним в тот день, сделали вид, что не расслышали, а Режиссер сделал вид, будто разговаривает сам с собой. Вместе они сделали вид, и это их немного сблизило. Режиссер – это я. Такой мой навес, то есть тюремное имя.

7

Дворик для прогулок – мерзкое место. Шершавые стены. Углы заплеваны желтой дрянью. Зэки выходят во дворик прохаркаться после пыльной камеры. Их мокрота скапливается по углам.

На стены лучше не смотреть – вся нижняя часть покрыта присохшими нечистотами из воспаленных носоглоток. Лучше смотреть на небо, но и небо загажено решеткой.

На стене бывает солнечная полоска. Можно на цыпочках

дотянуться до нее и позагорать. Веки просвечивают красным, и под кожей образуется витамин D. Чувствую себя растением. Фотосинтез и прочее. Думаю обо всех райских местах, какие видел на картинках. Безлюдные пляжи, пальмы, леса, поля и морские просторы. Все райское безлюдно. Где нет людей, там только звезды. Мечта о необитаемом острове – моя любимая мечта.

8

Когда-то на месте тюрьмы было райское место. Давным-давно, когда людей здесь не было, только животные. Был пруд, плавали кувшинки, небо отражалось в застывших водах. Изредка медведь доставал карасей. Лоси приходили на водопой. Все делалось тихо, даже птицы пели так, чтобы не нарушить и не расплескать.

Небо над всем было огромное, не поделенное на квадратики. Солнце светило беспрепятственно до самой земли, не упиралось в бетон или чью-то небритую заспанную харю.

С закрытыми глазами хорошо слышны звуки со свободы, будто стены исчезли и я на улице, рядом с людьми и машинами. Звуки свободы – это звуки проезжающих мимо машин.

Все смотрят на небо, потому что смотреть больше некуда. На стены смотреть противно. На воле неба навалом, но никто на него не смотрел по-настоящему. Там жмурились от солнца и прятали глаза за темными очками. А здесь, без санти-

ментов, как животные, а не поэты, любят облаками. Заглядывают в небо и похожи на падших ангелов из глубин ада.

9

Я попал в тюрьму по неосторожности. То есть я был предпоследним, от кого отрикошетила судьба и прибила последних. Как в футболе – гол забивает тот, кто последний дотронулся до мяча.

Мое преступление считается тяжелым. Это не юридическая классификация по степени тяжести, а реальная тяжесть. Многие не выдерживают ее и спешат умереть, чтобы облегчиться. Совершить такое преступление – все равно что неизлечимо заболеть или на всю жизнь покалечиться.

10

С виду я не преступник, и судья сжалился надо мной. Мне дали подписать бумажку – подписку о невыезде: письменное обещание не покидать пределы города, а если покину, то мне смерть. Так можно сказать про тюрьму, что она как смерть. Для меня это одно и то же. Я боялся тюрьмы, как смерти не потому, что страшные слова созвучны, а потому, что все знают, что в тюрьме страшно.

Все, кто знает, что в тюрьме страшно, в тюрьме не сидели,

но уверены, что тюрьма – страшное место и лучше там не сидеть. Я тоже знал. Наверное, это знание из того же источника, что страх перед смертью. Никогда не умирал, а знаю, что умирать страшно.

11

Адвокат сказал:

– У тебя два шанса избежать тюрьмы. – Сказал и показал два пальца, указательный и средний, как знак победы или мира, или международного обозначения четверти виски «на два пальца». – Первый – сбежать, а второй подкупить судью и прокурора.

– На первый у тебя нет денег, – сказал он, – на второй тоже. Значит, ищи бабло. Для этого тебя и выпустили на подписку, понял? Тебе доверяют, так что не подведи. Судья очень рискует, все рискуют. Дело за тобой. Найдешь бабло – будешь в шоколаде, а нет – так нет.

Я поверил адвокату. Других вариантов не было. Мне хотелось кому-то верить, потому что себе больше не верил.

Мог бы, конечно, не верить адвокату, но его вариант предполагал спасение.

Два шанса на спасение – почти удача.

12

Шансы без денег не работали. Деньги, надежда и жизнь – звенящие анаграммы одного и того же. Можно прислушаться и различить, что слова, вселяющие надежду, так же созвучны, как слова, вселяющие страх. Я их много раз повторял и знаю о чем говорю.

Я смотрел на денежные бумажки (у меня их было несколько) и завидовал тем, у кого их много.

«КОГДА ИХ МНОГО, ОНИ СИЛЬНЫ».

Откуда-то я это знал, как знал про тюрьму, смерть и прочие вещи, которые всем известны.

«ДЕНЬГИ РЕШАЮТ ВСЕ».

В эту аксиому верилось легко по той же причине, по какой легко верилось, что в тюрьме плохо. Много людей не станет повторять одно и то же просто так. Стало быть, это народная мудрость.

13

Разглядывая деньги, я размышлял о том, как их приумножить, чтобы они обрели силу решать все. Ничего в голову не шло, кроме того, чтобы пойти воровать.

Я сказал адвокату:

– Как могут бумажки что-то решать? Ведь это бумажки!
Он меня услышал, но сделал вид, что не услышал.

Мне стало неловко, что болтнул глупость, и я сделал вид, будто ничего не говорил.

14

Весь день я думал о деньгах, и стало казаться, что весь мир тоже думает о деньгах. Чтобы отвлечься, включил телевизор, а там тоже думали о деньгах, только вслух.

Это был образовательный канал «Дискавери». Там показывали образовательные программы про все на свете. Из программы я понял, что самыми первыми деньгами были не монеты, а перья. Это была интересная гипотеза. Она подтверждалась несколькими пословицами и поговорками.

Оказывается, современные бумажные деньги – это копии копий древнейших перьев из короны вождя, и в современном мире они означают ценность, что не умещается в кармане, но которую постоянно хочется иметь при себе.

Там сказали, что «громоздкая ценность лежит в хранилище, и ее не носят за собой, а носят с бумажками, на которых написано, что они означают ценность, которая лежит в хранилище, и ее не носят за собой, а носят с бумажками, на которых написано, что они означают ценность, которая лежит в хранилище, и ее не носят за собой, а носят...»

Все просто, как в детстве, когда у меня был игрушечный

пистолет или кривая палка, которая стреляла воображаемыми пулями, как настоящими. Я заигрывался и забывал, что играю. В детстве все по-настоящему, даже то, что понарошку.

15

В телевизоре сказали, что популярная пословица «БАБЛО ПОБЕДИТ ЗЛО» раскрывает истинное значение денег как универсального умиротворяющего средства. Это значит, что изобретение денег спасло человечество от хаоса и навело порядок.

Исследуя эту поговорку в связке с еще одной, не менее известной, что «ПРОСТИТУЦИЯ – ПЕРВАЯ ДРЕВНЕЙШАЯ ПРОФЕССИЯ», авторы передачи пришли к выводу, что деньги придумали в глубокой древности, чтобы платить проституткам. Или плодить проституток, что по созвучности этих слов должно быть одно и то же.

16

До изобретения денег ходить к проституткам было хлопотно. Это напоминало лотерею: повезет – не повезет.

Например, приходил клиент к проститутке и предлагал за услуги связку дров, а ей нужны не дрова, а палка-копалка.

Клиент уходил грустный и возвращался с палкой-копалкой, но проститутка вдруг передумала: ей нужна не палка, а скребок и костяной наконечник. Так клиент бегал туда-сюда, пока пазлы не совпадали и он приносил то что нужно.

Но в древности мужчина был грубым волосатым чудовищем, и пазлы не совпадали. Он терял терпение, хватал дубину и бил проститутку по голове, а потом бесплатно использовал труп.

Проституток становилось все меньше, а злых мужчин-некрофилов все больше. Надо было что-то делать. Тогда вождь племени придумал способ. У него была корона, как у североамериканских индейцев, созданная из перьев редкой птицы, которая была священной, потому что она была редкой.

Вождь публично, при свидетелях, выдернул перо из своей короны и повелел считать это перо платежным средством.

«Отныне, – повелел он, – если кому что нужно, а у него этого нет, то он может взять это священное перо и отдать тому, у кого есть то, что ему нужно, а тот, кому дали это перо и он отдал взамен то, что у него было, может обменять это перо на то, что ему хочется!»

Все одобрительно закивали и прерывисто заукали. Это было гениально. Вождь был мудр.

С появлением перьев жизнь изменилась. В ней появился новый смысл. Мужчины подобрели, а проститутки размножились. В мире стало больше любви, понимания и красивых женщин. Сгладились конфликты, любые недоразумения решались при помощи перьев. Вот откуда взялось «БЕЗ ПЕРА НЕ ПОЛЕТИТ СТРЕЛА», в наше время известное как «НЕ ПОДМАЖЕШЬ – НЕ ПОЕДЕШЬ».

Так получилось, что деньги спасли жизнь многим красивым женщинам – и женщины по сей день благодарны деньгам, чуть ли не до священного трепета. Но у монеты есть другая сторона.

Кто-то смекнул, возможно, тот же вождь, что иметь много перьев – все равно что иметь много всего, что можно обменять на перья. Так проявилась человеческая жадность, которой раньше не было, потому что человеческая жадность – это страсть к собирательству, присущая приматам и белочкам. То есть чем больше перьев, тем красивее они смотрятся. Тем более, что перо не просто перо, а законсервированное благо, которое можно долго хранить и извлекать по надобности.

Например, можно не охотиться, не бегать по кустам, не царапать морду, а пойти к охотнику и купить за перья всю его добычу. Потом пойти ко второму охотнику, третьему. Вроде не охотник, а добычи получается больше, чем у любого

охотника, который охотился.

Ясно, что самки предпочитали тех самцов, у кого больше перьев, а не больше копые, лук, дубина или хотя бы мускулы. мода изменилась, и самки склонны были видеть в перьях подобие мужской силы более высокого уровня, нежели привычная грубая физическая сила старого образца, что нашло отображение в поговорке «**ЧТО НАПИСАНО ПЕРОМ, НЕ ВЫРУБИШЬ И ТОПОРОМ**».

18

Жизнь изменилась не только у людей, но и у птиц. В той местности, где изобрели первые перьевые деньги (первый, перьевой – почти одно и то же), перебили всех редких птиц и повыдергивали им перья. Но редких перьев было мало, а жадность была большой. В ход пошли перья простых птиц. Появились подделки – фальшивые перья, похожие на редкие. Фальшивки породили инфляцию. Гонка за перьями – интриги и заговоры. Возникли новые вещи и понятия, которые без перьев не имели смысла. Так, благодаря мертвым проституткам возникла новая культура, которая породила своих главных героев – особый вид сверхпроституток, за перья готовых на все. Из-за их готовности на все они были похожи на смелых, решительных, целеустремленных людей. О них слагали песни, легенды, саги, анекдоты, писали книги, им подражали и завидовали, но это уже другая история. Да-

же без «другая».

19

По телевизору показывали эксцентричного миллиардера по имени Ричард Брэнсон. Он живет на собственном необитаемом острове в океане. Миллиардер много хвастал, показывая достопримечательности своего острова. То и дело повторял фразу, в надежде, что благодаря телевизору она станет крылатой.

«Сначала деньги сделали меня взрослым, а потом большие деньги вернули мне детство».

На берегу острова стоит золотой унитаз. Миллиардер любит в одиночестве пострять на золото и послушать пение птиц, любуясь океанской далью. Никто ему не мешает, потому что остров необитаем. Настоящее счастье, как я уже знаю, побывав в тюрьме, – пострять в одиночестве.

Это была телевизионная передача про чудиков, которым люди должны завидовать.

20

Судьба моя зависела от купюр. Несколько купюр, которыми владел, надежду не вселяли. Я смотрел на них, и воображение рисовало мрачные картины. Денег не было, и надеж-

ды тоже. Где их взять, не знал. Оставалось надеяться на чудо. Вдруг с неба упадет чемодан денег, и все решится? Я тупо надеялся на чудо, и это «тупо» было мудрее всего самого умного, что я знал.

Все что знал не пригодилось, а тупая надежда на чудеса стала прокладкой между мной и тюрьмой. Я, тюрьма, а между нами надежда. Вспоминая поговорку про надежду, что умирает последней, перед тем как умрет тот, кто надеется, то есть предпоследней, я чувствовал, как во мне поднимается волна надежды.

Так я ходил и ждал, что вот-вот что-то произойдет. Обращал внимание на мелочи – а вдруг там чудо? Поверил в добрые силы, которые ведут по верному пути, а мне остается лишь правильно распознать их знаки и расшифровать послания. Я был в отчаянии, и всякая дрянь была надеждой.

Когда проходил мимо мусорника, в ногах запуталась газета. Она сама, как живая, прилипла к подошве липким остатком какой-то дряни, что к ней приклеилась.

21

Вчерашняя газета бесплатных объявлений. Был без гроша, и все бесплатное привлекало. Едва взглянул на мятый лист, сразу увидел рекламу бесплатного сеанса у психоаналитика. Два раза подряд бесплатно – это удача.

Удача и чудо – чавкающие анаграммы одного и того же.

Возбуждают удивление и радость. Или радостное удивление, или удивительную радость. Или попросту аппетит.

Я обрадовался и понял, что на верном пути, потому что удачные совпадения бывают только на верном пути. Это я тоже откуда-то знал, как знал про деньги, тюрьму и все остальное.

Газета пригодилась. Кое-что начинало получаться, а когда получается, улучшается настроение.

22

Бесплатно, но с приключениями для бедных я взобрался на холм к психоаналитику.

Психоаналитик засел на холме. Путь к нему был труден и далек. Дорога шла в гору. Подниматься было трудно. Все мышцы болели, и было жарко. Я преодолел этот путь бесплатно.

Три раза подряд бесплатно: бесплатная газета, бесплатный сеанс и бесплатный проезд на общественном транспорте.

«Это не простое совпадение, – говорил я себе, – не простое».

В метро перемахнул турникет и услышал матюги вдогонку. В троллейбусе то же самое, только в лицо. Меня ругали, и я ругался. Грозили высадить на полпути. Усталый, я брел пешком, потел и чертыхался.

Всю дорогу ругался с женщинами. Они делали пакости: не хотели пускать бесплатно. С женщиной легко справлялся. С ней справиться легче, чем с мужчиной. С ней не надо драться, а с мужчиной надо. Мне везло: мужчины по пути не попадались.

23

Уставший, голодный и злой, наконец взобрался на самую вершину и понял, почему психоаналитик засел так высоко.

Город, где я жил, холмистый, потому что древний. Все древние города холмистые. Так раньше люди прятались от врагов – строили города и замки на вершинах. Пока враги карабкались и уставали, горожане сидели на вершине и поливали всех, кто внизу, кипящим маслом. То же самое делал психоаналитик, потому что этот психоаналитик был ненастоящий. Это был пацан-малолетка не больше четырнадцати лет, но очень умный. Он сообразил, что если будет сидеть в трудно доступном месте, то уставшие и злые лохи, клюнувшие на бесплатное, добравшись к нему, возмущаться не станут. Усталость, бедность и трудный путь сделают свое дело. Они согласятся со всем, что им предложат, лишь бы бесплатно.

«Лучше фальшивка, чем ничего».

Так скорей всего подумает лох, и когда я увидел этого фальшивого психоаналитика, тоже так подумал. Не возмущался и не ушел, хлопнув дверью. Трудный путь научил

сдержанности. К тому же я надеялся: а вдруг?

24

Молодое дарование сидело спокойно. Уверенное в себе, оно ничуть не сомневалось. Оно устроило так, что окружение работало на него. Здесь он был хозяином положения. Нас разделял широкий стол. Дотянуться до малолетки и подержаться за его горлышко не было возможности. Сразу за его спиной высилась черная, обитая дермантином дверь. Ясно, что за дверью он мог в любой момент спрятаться. Табурет, на котором я сидел, был привинчен к полу. Короче, пацан мастерски себя обезопасил. Все это внушало уважение, и это уважение тоже было частью его безопасности.

Мне оставалось только уйти, но я потратил столько сил, что хотелось получить что-то взамен – хотя бы что-то, чтобы не зря. Тем более, других дел не было.

25

Малолетка, убедившись, что я спокоен, достал какие-то бумажки и протянул мне. Это была анкета, а не денежные бумажки. Он сказал, что я должен ее заполнить. Должен. Только начал, а уже должен.

Малолетка лихо все продумал: я лох и сопротивляться

бессмысленно. Не нравится – уходи.

Анкета была простой. Черные буквы на белом фоне. Раньше я такие анкеты видел и заполнял. Ничего нового. Те же вопросы, особенно первые три.

26

Первый вопрос всегда самый легкий.

«1. Ваши фамилия, имя, отчество».

Ответил красивым почерком. Новизна и белизна страниц вынуждала писать красиво.

Следующий вопрос о работе, но вопрос с подвохом.

Вопросы о работе задаются не просто так, а чтобы определить, сколько примерно в кармане денег: доход у меня или заработок. Потому что доход и заработок – разные понятия.

Я написал, что работаю режиссером. Эта профессия подразумевала доход. Доход больше заработка, потому что доход – это когда можно сорвать куш, а заработок всегда в поте лица и за гроши. Доход для игроков, баловней судьбы и счастливиц, а заработок – для работяг, неудачников и трусов. Психологический хотел знать: тварь я дрожащая или право имею.

Дальше шел вопрос о конкретной сумме, которой я располагал. Конкретную цифру не писал, но написал, что много. Напиши я мало, и бесплатного сеанса не будет. Бесплатно для тех, у кого есть деньги. Откуда-то я это знал, как знал о совпадениях, верном пути и всем остальном.

У меня всегда были деньги. Тратил их не задумываясь, откуда они берутся. Деньги есть – зачем о них думать? Я не писал, кем был на самом деле, а написал «режиссер». Так я врал людям, когда знакомился с ними. Чтобы понравиться, нужно кем-то быть, а режиссер – хорошее прикрытие для человека без свойств. Когда-то услышал от того, кому хотел понравиться, что «хороший человек не профессия». С тех пор придумывал что-то интересное, и было хорошо.

Жизнь в тюрьме быстрая. Маленькие расстояния и все на виду. Концентрация кислоты и сжатие автоклава. Здесь нет горизонта, за которым удобно спрятаться. Если что-то начнется, здесь же закончится. Нет запутанных историй и темных уголков сознания. Ночь – причуда свободы. В тюрьме ее не бывает. Круглые сутки освещаются электрическими фо-

нарями. Что сегодня модно в тюрьме, завтра станет модным на улице.

Зэк читает книги по психологии, особое внимание уделяется гипнозу. Он готовится к свободе, как женщина – к пляжному сезону. Старается изо всех сил, чтобы выгодно смотреться в отражении витрин. Запрещенные книги затягиваются контрабандой.

Кроме книг по психологии и НЛП в тюрьме популярны книги о том, как стать миллионером. Много книг, и все об одном и том же: мозги и деньги. В сознании зэка тема мозгов и денег компилируется в способы развода фраеров.

29

Этот зэк такой же, как все зэки: наученный горьким опытом изошренный ум. Среднему вольняшке с ним не совладать. Ну как может совладать жертва с хищником? Только если хищник пережрет до коликов. Только такой вред способна причинить добыча – вызвать несварение желудка. Этим зэк похож на зомби из фильма Джорджа Ромера «Рассвет мертвецов». Он мечтает о воле, ведь на воле водятся вольняшки, а у них сладкий мозг. Вот почему зэков не выпускают большими партиями. Популярный тюремный миф о Золотой Амнистии остается несбыточной мечтой и переходит в разряд фольклора, а иначе миру Пиздец, что чуть не случилось холодным летом 53-го и в начале 90-х.

Для сохранения порядка вещей эков выпускают малыми дозами. Мир мутирует и привыкает к неизбежному. Неизбежное не за горами. Достаточно поглядеть во двор любой многоэтажки, а там детишки, подражая блатному жаргону, говорят на приблатненном наречии, играют в понятия, и есть среди них свои смотряги и петухи.

Зэк освобождается и несет свое дерьмо на волю. Оно у него едкое после тюрьмы и быстро скапливается по углам, щелям, разъедает пустоты, как раньше его мокрота скапливалась по углам дворика для прогулок, меняя до неузнаваемости то, к чему давно привыкли. Так, он смотрит на девочку, девочка как девочка, а она ему вместо «Как тебя зовут?» говорит: «Чем занимаешься?» В тюрьме аналогично: «Кто по жизни, кто по масти? Кем был, кем жил?»

Вопрос вроде простой, и в то же время так сразу на него не ответить. Понятно, девочку интересует не имя. Имя – малоинтересное слово. Что оно дает? Ничего. Девочку интересуется, доход у него или заработок. Ведь доход больше заработка и звучит солидно. В книге о том, как стать миллионером, так и написано.

«Доход – для игроков, баловней судьбы и счастливиц, а заработок – для работяг, неудачников и трусов».

Девочка хочет знать: скучно с ним или нет, то есть не зануда ли он? Или же она из будущего, где нет имен, а есть навесы, тюремное подобие индейского имени, которым нарекали человека за заслуги перед племенем. Универсальное

слово, штрихкод-идентификатор, совмещающий в себе все, что нужно для жизни в Пиздеце, – твое место и твое бабло.

30

Я отвечал: «Режиссер», и сразу реакция с двумя вопросительными знаками: «Правда??»

Ради этой реакции все затевалось. Слово «режиссер» дает самую лучшую реакцию.

«Ага», – говорил и широко улыбался.

Быть режиссером приятно. Я знал все их вопросы наперед. Одно и то же. Режиссер – всегда начало одного и того же продолжения. Девчонки велись на это слово как дрессированные. Для них я был не просто хорошим человеком, а хорошим человеком из кино, и необязательно хорошим. Кино, как известно, обладает свойством сказки или заветной мечты, а человек из кино – это почти сказочный персонаж, почти волшебник. Затем следовал закономерный вопрос: «А какие фильмы ты снял?» И я отвечал, не нарушая алгоритма: «Поехали ко мне, покажу».

Мы ехали, и я показывал.

31

Профессия режиссера загадочна. О ней ходят только слу-

хи. Как он выглядит? Как угодно. Как я, например. У меня было все что нужно, чтобы притворяться настоящим режиссером. Деньги и транспорт. Я мог сыграть любого режиссера, даже знаменитого.

Знаменитых режиссеров мало знают в лицо. Они за кадром. Это актеры на виду, но режиссер самый главный. Без него «кина не будет».

Я играл в режиссера, как в детстве играл в войнушку. Верил, что настоящий, только фильмов не снимаю. Никто меня не проверял, и я врал как хотел. Самая лучшая профессия для тех, у кого нет профессии.

Я был ненастоящий, но жил веселей и разнообразней настоящего слесаря, мента или продавца бытовой техники. Даже веселей банкира. Он всего лишь раздутый бухгалтер, и деньги в банке не его, а взятые под проценты.

«Жизнь нудна. Рождаешься, немного живешь и умираешь, а обман, может быть, лучшее развлечение», – сказал брат Гримм, один из братьев Гримм (фильм «Братья Гримм», режиссер Терри Гиллиам).

– Чем занимаешься?

– Да так... слесарь.

Фальшивых слесарей и бухгалтеров не бывает. Кому интересно гулять со слесарем? А у режиссера все самое лучшее. Он может снять тебя в кино.

Так я жил в чужих мечтах, вытворял там всякое, пока нестряслось несчастье и клоунская жизнь, разорванная в кло-

чья, не спустилась в унитаз. В животе поселилось ощущение пустоты. В один миг я стал тем, кем был на самом деле: никем.

После двух вопросов о семейном положении пошли вопросы о мечтах, но это были не те мечты, к которым привык. Это были фантазии о будущем.

33

«5. Кем видите себя через пять лет?»

Странный вопрос. На него никто не знает ответ, даже тот, кто его придумал. Так же и я, легко выдумывая прошлое, будущее выдумать не мог. Фантазии о прошлом легко цеплять на то, что было. Переплетать быль и небыль. Результат получался чуть красивей правды и чуть правдивей лжи. Я пропустил этот вопрос, чтобы вернуться к нему позже.

34

«6. Вы служили в армии? Если служили, то в каких войсках?»

Ответил, что служил, хотя это было неправдой. Но я знал тех, кто служил. Они рассказывали про армию, и я мог рассказать, что служил в самых лучших войсках. В таких войсках, что показывают в фильмах про войну. Я оставил скелет

из понятия «Армия» и лепил на него фееричную фантазию о приключениях в горячих точках, боях с озверевшими боевиками, добавлял кровищи, отрубленных голов, погибших товарищей и якобы убитого мною мальчика, которого спутал со снайпером в кустах и теперь ночами терзаюсь и пью водку. В будущем было пусто.

35

Я снова вернулся к вопросу о мечтах. Мечты – это грезы о будущем. Там не на что лепить и некуда цеплять, поэтому не знал, чего хотеть.

Пацан заметил мою паузу и обрадовался. Наверное, в этом месте анкеты тормозили многие, не только я.

– Думайте о прошлом как о будущем, – сказал он.

Я понял, почему он обрадовался. Ему нравилось произносить эту фразу вслух. Малолетка любил давать советы, а после этой фразы люди продолжали двигаться по анкете дальше, словно подчиняясь его воле, которая при помощи четырех слов меняла направление их мыслей. Это был дельный совет. На прошлое лепить умел.

36

«7. Самое плохое воспоминание о детстве?»

– Это еще зачем? – вырвалось у меня.

– Так надо, – сказал малолетка.

Вопрос о прошлом, но он труднее, чем вопрос о будущем. Воспоминаний о детстве еле набиралось на две-три картинки, и их просмотр умещался в несколько секунд.

Почему так происходит, почему так мало воспоминаний о детстве – сам не знаю. Иногда пытался что-то вспомнить, не только детство, что угодно, и твердо знал, что есть что вспомнить. Лет по десять детства у каждого найдется. Годы, терабайты воспоминаний. Но начинал вспоминать, и детство пролетало от начала до конца за одну минуту. Не только детство. Вся жизнь вспоминалась так же коротко – минута. Может быть, доказательство того, что времени не существует, следует искать в памяти?

Недавно прочитанная книжка или отсмотренный фильм – минута воспоминаний. Пятнадцать минут секса – минута. Даже десятисекундная драка удлинялась до минуты. Все воспоминания укладываются в минуту. Но когда воспоминация записывал или рассказывал, все менялось. Появлялись до неприличия раздутые и скучные мемуары. А мысленно всегда минута, будто кто-то делал невидимый монтаж, как в кино, вырезая скучное, затянутое и второстепенное. Но если бы мне довелось самому выбирать, что помнить, а что нет, то это были бы совсем другие воспоминания. Я не владел ситуацией даже в собственном мозгу, даже собственную память не контролировал. Что уж говорить о жизни в целом...

«ВСЕ В НАШИХ РУКАХ».

Об этом знают все, но в это мало верят. Не знаю, где эти наши руки, но это не те руки, что растут из плеч.

37

Вспоминались самые неожиданные моменты.

Например, вместо того чтобы вспоминать, как в детстве был на море, купался, загорал, ловил медуз и собирал ракушки (это вспоминается, но не четко, а общие планы и не сразу), в первую очередь вспоминается момент, как мы – я, мама и сестра – долго шли к морю. Пробирались через какие-то дворы, закоулки, а моря не было. Вдруг в просвете между деревьями я увидел море. Я закричал: «Море! Море!» – и побежал... а это была белая простыня. Сушилась на солнце. До моря было далеко. Минут пятнадцать.

Это воспоминание похоже на притчу или поучительный анекдот. Может, в этом все дело? Помнить только поучительные притчи и забывать все остальное? Даже если «все остальное» – очень приятные воспоминания.

38

Или, например, еду в раздолбанном трамвае сквозь пыльные пейзажи заводских окраин. За окнами дымят трубы и

каркают вороны. Покосившиеся постройки, ржавые гаражи, закопченные окна, запах мазута, сероводорода и чьей-то перды. Ни одного приятного запаха. Ничего свежего. Все затаскано и трухляво. Рядом в трамвае трясется рабочий люд. Само слово «люд» навевает тоску. Все сплошь некрасивы, кривокубы и небриты. С виду будто от рождения калеки. Худые конечности покрыты кримпленовыми штанами. Штаны замызганы, в жирных пятнах и потертостях на заду и коленях. От людей исходит запах прогорклого сала, дешевого курева, недельного пота и гнилых зубов. Самое большое уныние вызывает неказистый лысоватый персонаж. Он маленького роста, пепельного цвета и глубоко несчастен, хотя сам этого не замечает. Он разговаривает с другим, таким же блеклым, как он сам, только повыше ростом. Их разговор самый нудный из всех, что мне доводилось слышать. Разговор о заводе, трудовых буднях и бухле.

Трамвай едет очень медленно. Так медленно, что бабка на велике его легко обгоняет. Поездка длится вечность. Кажется, мы никогда не доберемся до конца. Вечно будем трястись в этом сраном вагоне. Сто раз ездил в трамвае по этому маршруту, а запомнился только этот эпизод, в котором ровным счетом ничего не происходит. Только удручающая картинка.

Или первое вождение, хотя никакого сексуального влечения в девять лет еще не было. Просто это классно – хватать воображаемую красотку и бросать ее на пол. Нам нравилось так играть, и мы мечтали, что когда повыврастаем, то женщины будут настоящими. Мы будем их хватать, бросать на пол и смотреть на их голые попы. Сиськи и письки нас не возбуждали. Мы думали, что самое сокровенное в женском теле – это задница. Мы верили и надеялись, что в пятнадцать лет увидим настоящую голую задницу. Потому что в пятнадцать лет мы будем взрослыми дядьками, которым можно все. А пока мы только тренировались, как тренируются девочки, играя в куклы. Пятнадцать лет – это очень взрослый возраст, думали мы.

Когда нам стукнуло по пятнадцать, мы остались такими же детьми, которые ни разу не видели голых женщин. А когда мы стали совсем взрослыми, то поняли, что взрослых не бывает.

Что я мог рассказать малолетке? О каком страшном воспоминании из детства может идти речь? Я ему признался,

что ничего не помню, ничего такого, что можно назвать по-настоящему ужасным. Было плохое, но чтобы самое плохое – такого не было. Не стану же я ему рассказывать о бабае или как меня напугала собака?

– Не помню, – сказал я ему.

– Так не бывает, – сказал он.

– Но я правда не помню.

– Если не вспомните, – сказал он, вдруг резко повзрослев, – то бесплатного сеанса не будет. Мы расстанемся, и вы никогда – слышите? – никогда не выйдете на новый уровень!

Он показал на обтянутую дерматином дверь у себя за спиной, которую я поначалу принял за убежище.

– И навсегда – слышите? – навсегда останетесь жалким неудачником.

Меня замутило. Слово «навсегда» в сочетании с «неудачник» при быстром повторении, вот так: «неудачник-навсегда-неудачник-навсегда-неудачник-навсегда-неудачник-навсегда» – сливается в шипящее звуковое дерьмо, напоминающее «несчастье».

41

Его последние слова посеяли сомнение. Я не хотел вспоминать, но вспоминал и боялся не вспомнить.

Мы сидели друг перед другом, мой взгляд блуждал по комнате, пока снова не уперся в малолетку. Передо мной си-

дел мальчик, а я, взрослый дядька, слушал его в надежде, что он откроет какую-то тайну, и я прозрею, и снова вернусь к веселой жизни, полной кинематографических приключений. Но кто откроет? Этот шкет?

Я чувствовал себя идиотом, который играет в игру, где меня делают идиотом и у всех серьезные лица, потому что речь идет о деньгах.

– Ладно, – сказал я, – к черту халяву.

Халява – это когда дают бесплатно: милостыню, похлебку, сеанс у психоаналитика. Встал и пошел к выходу.

Малолетка растерялся. Не знаю, какие у него были планы, знаю только, что он хотел развести меня на бабло и действовал тонко, но я прозрел.

– Подождите, – слабая попытка задержать меня. – Возьмите анкету, попробуйте дома.

– Засунь ее себе в жопу.

42

Рвота расплылась по полу. Я вспомнил, как обрыгался в детском саду. Все из-за молока. Нянечка заставила вытирать. Я вытирал, рыгал, вытирал и т. д. Моя рвота состояла из той дряни, которой нас кормили на обед. Так называемое первое, второе и третье. В животе оно смешалось, пропиталось слизью и желчью и вывалилось наружу.

Моя теперешняя рвота ничем не отличалась от детской.

Воняла так же. Запах детства. Странное чувство дежавю посетило меня. Дежавю – это всегда странно, таинственно и малоизученно. Вспомнилась пословица про «Повторение – мать учения». Все пословицы, какие знаю, узнал в детстве. Потом они только повторялись.

43

Малолетка добился своего. Я вспомнил. В детстве я так обрыгался, что это стало моим самым первым воспоминанием, будто жизнь началась с блевотины.

Я спрашивал любого зэка, и оказалось, что я не один такой. Кто-то помнил себя с момента, когда ему в три года вырвали аденоиды, то есть о боли и крови. Кто-то с первого испуга и унижения, когда его, сидящего на горшочке, сильно наказали за то, что обрисовал фломастером обои. В любом случае жизнь каждого начиналась в одиночестве, с боли, слез, грязи и унижений, потому что жизнь начинается тогда, когда остается самое первое воспоминание. И часто – это воспоминание о том, как было плохо и никто не пришел на помощь.

44

С мерзким чувством, что забытое дерьмо возвращается, я

покинул здание.

– Чертовы аналитики, – бормотал я, вытирая рот рукавом. – После них только хуже.

«Чертовы психоаналитики...»

Где-то я слышал эту фразу. Реплика из американского кино. Смешной фильм про неудачника, которого все достало. Он психанул, пошел к доктору, а потом, выйдя от него, сказал: «Чертовы психоаналитики! После них только хуже!»

Помню, он шел и матерился во весь голос, отражаясь в зеркальных витринах. Это выглядело стильно. Так стильно, что самому хотелось стать таким же незадачливым и очень злым, которого все достало. Он шел по улице в расхристанном пальто, а перепуганные прохожие уступали ему дорогу. Он был типичным неудачником из кино: небрит, слегка пьян и очень нервный, но весь кинозал завидовал ему (как он идет, как делает, как ругается) и мечтал стать таким же неудачником. Девочки влюблялись в него, я видел по глазам, и любили все полтора часа экранного времени, пока шел фильм. Мужчины, серьезные мужчины, у которых все в порядке, глядя на него, мечтали в одночасье растерять весь порядок и обрести такую же размашистость в движениях, словно он идет, а углы домов сами прогибаются, чтобы не мешать ему ходить и размахивать руками. Это все режиссер. Это он так устроил, чтобы люди завидовали неудачнику, чья жизнь сплошное дерьмо.

Я спускался с холма. Ноги сами несли. Ветер попутный, на душе легко, будто сделал дело и гуляю смело. Спускаться хорошо. Не нужно думать, говорить, ничего не нужно. Я отражался в витринах, орал и матерился, а перепуганные прохожие уступали дорогу. Все было как в кино про неудачника, которому я завидовал. Углы домов волшебным образом прогибались, а злые менты отводили взгляды в сторону. Тюрьма была далеко. Километрах в пятнадцати.

Я вспомнил о газете. Это все добрые силы. Это они подстелили газетку, чтобы я плавно спустился с горы. Без них я бы на нее не поднялся. Зачем же нужен малолетка? А для того, чтобы кричалось в кайф:

– Чертовы психоаналитики!!! После вас только хуже!!!

В тюрьме отобрали все книги. Менты сказали: «Не положено». Можно только две: Библию и Уголовный кодекс. У меня были разные книги, но такие, что на воле время от времени запрещаются. Библии и Кодекса не было. Мне разрешили оставить одну книгу в желтой обложке. Я сказал менту, что она, как Библия, тоже религиозная. Мент полистал,

увидел на картинке толстого Будду с кругом вокруг головы, как рисуют на иконах, и снял запрет.

Стал я жить в тюрьме при помощи желтой книги. Она мне сделала всю отсидку. Из-за нее я видел все в желтом свете. Это была книжка про Будду и людей, которые ему подражали. Она состояла из мудрых фраз. Я открывал ее наугад и читал первую случайную фразу, от чего становилось если не хорошо, то лучше.

Белый цвет и черные буквы отвлекали от окружающей среды, слишком пестрой и болезненной для глаз. С красками был перебор. Они сильно перемешивались, и получалась грязь, похожая на рвоту. Желтая книга спасала от тошноты. Она была глотком чистой воды знойным днем на мусорнике.

47

Я был не один такой. Был там парень, он послушался ментов и выбрал Библию. Его окружали сплошь ангелы и бесы. Бесов было больше, почти десять к одному.

Другой тоже послушался ментов и выбрал Уголовный кодекс. Он выучил наизусть все законы и лазейки между ними. В тюрьме его прозвали Адвокатом. Адвокат долго сидел в тюрьме, почти дольше всех. Боролся за свободу. Чем больше боролся, тем дольше сидел.

Эки жили при помощи разных вещей и воспоминаний, но в основном – при помощи телевизора. Они смотрели филь-

мы про бандитов, ментов и восточные единоборства. Потом, в своих разговорах, повторяли фразы из фильмов и подражали голосам актеров. Особенно Мелкий. Он считал себя бандитом и заехал в тюрьму за убийство. Повторил эпизод из фильма, где толпа малолеток забила насмерть отставного полицейского – ветерана вьетнамской войны и почетного гражданина городка. Его любимый фильм – «Бригада». Бандитский сериал. Мелкий, подражая главному герою фильма, разговаривал теми же словами, с теми же интонациями, что и главный бандит. Того, кто играет бандита, я знаю. Он не бандит и бандитом не был, в тюрьме не сидел, преступлений не совершал. Он актер. Играет чужие жизни и озвучивает чужие мысли. Перед тем как стать актером, был студентом. Учился подражать. Есть специальные заведения, где профессионально обучают подражать или повторять фантазии из чужих голов. Его отец тоже бандитом не был. Был актером, но без обучения в спецзаведениях. В свободное от самодеятельности время чертил чертеж в конструкторском бюро. Дедушка был мастером на заводе, где делают комбайны. Бандитов не видел, но слышал, что бывают такие в тюрьме.

Бандитские фразы, которые Мелкий любил повторять, придумал сценарист фильма. У сценариста схожая с актером история. Он просмотрел великое множество бандитских фильмов, в основном англоязычных, с гоблинским переводом, и захотел придумать свой, такой же бандитский, только

лучше. Вышло хуже. В итоге Мелкий взял за основу своего существования результат чужой неудачи.

Глядя на Мелкого и на всех, кто живет в тюрьме, можно подумать, что настоящих бандитов не бывает. Такие же бандиты, как я – режиссер. Вся тюрьма забита такими, как Мелкий, и такими, как я.

48

Зэки подчиняются ментам. Менты подражают бандитам, которые подражают бандитам из кино. Менты слушают шансон и разговаривают как бандиты, потому что бандитскими фразами легче оскорбить и страшнее напугать. Иногда менты приносят журналы от религиозной общины Свидетелей Иеговы. Зэки, как дрессированные, разглядывают их. Подчиняются скуке. В журналах красочные картинки Царствия Небесного. Они выгодно контрастируют с тюремной серостью. На них приятно смотреть. Есть фотографии улыбающихся людей с чисто вымытыми волосами и красивыми белыми зубами. Люди разные, разных национальностей, полов и возрастов, но зубы у всех одинаковые: белые, как у негров, идеально ровные и чистые. Кто-то надеется, что зэки начнут подражать людям с красивыми белыми зубами, но зэкам, с их порченными чифирем и дешевым табаком пеньками, больно смотреть на красивые зубы. Они делают из журналов тарочки для самокруток и скуривают их.

Однажды принесли Библию на английском языке. Никто английского не знал, но взяли. Я обрадовался. Думал, буду учить английский при помощи Holly Bible. У нас была одна Библия на нашем языке. Ее читал Поклонник Библии. Обе Библии, наша и не наша, были отпечатаны в одном месте. Штат Мэриленд, США.

Зэки все непонятное священным не считают. Наша Библия занимала почетное место, обставленная и обложенная иконками, самодельными и настоящими. На самодельных иконках лики святых были узнаваемыми, с печатью недоумения, как у всех зэков.

Для понятной Библии выделили нару у окна. На ней никто не спал. Сделали что-то вроде алтаря. Там хранились священные для зэков вещи. Кроме всевозможных иконок, крестиков, ладанок и Библии там хранились четки, так называемые «монашки», фотографии чьих-то детей, девок, тетрадки с рисунками и стихами «Розы любят воду, а пацаны свободу...» и сигареты. Саму Библию, кроме Поклонника Библии, никто не читал, но была она целой и невредимой, а Holly Bible скурили. Для того ее и брали, чтобы скурить. Она была толстой, и хватило ее надолго. Бумага в ней тонкая, почти папиросная. Хорошая бумага для раскурки. Только живший при помощи Библии Bible не курил. Когда другой бумаги не

было, он честно крепился.

50

Тонкой бумаги в мире больше, чем толстой. Тонкая нужнее. Она нужна для курения и подтирания задниц, поэтому ее больше. Из тонкой бумаги в основном делают сигареты, туалетную бумагу, газеты и библии. У Библии самый крупный в мире тираж. После денег, конечно.

Раньше люди жили без бумаги, при помощи перьев, деревяшек, железячек, косточек, камней, глины и шкур. Очень тяжело так жить. С бумагой легче. Библия – идеальная вещь, она из бумаги. Прочитать и скурить – это идеально.

Обычный зэк легко выживет на необитаемом острове с одним кипятивником, а если у него будет Библия, то он поработит весь мир. Еще идеальней – скурить не читая. Так делают почти все зэки: курят не читая. Табак в тюрьме – святое. Святое завернуть в святое и воскурить к небесам – это сакрально. Словно из древности, когда ничего не было, кроме огня и того, что горит в огне.

51

Сигареты вместо денег. То есть сигареты – это тюремные деньги, но в отличие от мирских денег, которые только пред-

ставляют ценность, что лежит в хранилище и ее никто не видит, сигареты – это ценность, которую можно воскурить к небесам и получить за это толику кайфа. Поэтому нужда в ценности, находящейся в каком-то неведомом хранилище, отпадает.

Деньги в тюрьме можно обменять на сигареты, а за сигареты купить другие сигареты, немного еды или услугу из сферы услуг.

Зэки курят Библию, не читая ее. С дымом всасывают знания и не оскверняются ими. Не узнают нового и не строят вокруг себя новые схемы и формулы для подражания. Пользуются тем, что есть. Дешево и мудро. Их невежество мудрее всего самого умного, что я знаю. Я знаю, а они не знают. Живу с грузом и багажом, а они просто живут. Их бумага папиросная и легко горит, а у меня картон. Им легко, но было бы тяжело, если бы они курили Библию по своей воле, а они свободны от воли. Они зэки и курят, подчиняясь желанию накуриться, только и всего. Можно скурить миллион книг и остаться нищим духом. Таким нищим, чье Царствие Небесное, как в Библии написано: «Блаженны нищие духом, ибо их Царствие Небесное...»

Так и написано «...их Царствие Небесное...»

Если бы зэки читали Библию перед тем, как ее скурить, они бы знали, чье Царствие Небесное, но тогда они перестанут быть нищими духом. Кто-то их толкает куда надо. Если мудрость – это Царствие Небесное, то зэки несомненно муд-

ры, сами того не ведая. Я же туда не попаду. Слишком много знаю.

52

Когда я был маленьким, то ничего не знал. Если бы в то время я умер, то Царствие Небесное было бы моим. Такой я был нищий духом, что, когда смотрел на ночное небо, видел только звезды. Созвездий не видел, потому что о созвездиях ничего не знал.

Теперь я взрослый, и когда смотрю на небо, то вижу Большую Медведицу, Малую Медведицу, Льва, Дракона, Лебедя, Млечный Путь, Кассиопею, Ориона, Рака, Скорпиона. Звезды перестали быть звездами, рассыпанными как попало, а стали угловатыми скелетами, обтянутыми воображаемыми шкурами античных существ. На самом деле созвездий нет, но я вижу, что они есть. Это все древние греки. Они долго пялились в небо и разглядели невидимые связи между точками. Соединили и получили фигуры, совсем непохожие на их названия.

Большая Медведица похожа на зараженного кубизмом сперматозоида. Кассиопея – на первую букву в международном обозначении туалета WC, а Орион – на структурную формулу бензола. Сейчас я взрослый, и Орион похож на бензол, а в детстве был похож на корявого снеговика без головы. Древние греки придумали, и с тех пор все, кто узнал, обре-

чены пожизненно повторять за древними греками и видеть в небе то же самое, что видели они.

Сейчас я не могу спокойно пройти мимо вывески на магазине или нецензурной надписи на заборе – обязательно прочту. Я не хочу читать, но читаю. Они сами читаются. Куда ни глянь – везде, где есть буквы, я обречен их читать, потому что знаю буквы и знаю, как они складываются в слова. Я больше никогда не смогу, как в детстве, пройти мимо надписи на витрине или где-нибудь еще просто так, не читая ее. Нет здесь моей воли. Я потерял ее, когда научился различать всякие значки, придуманные людьми, улавливать закономерности, соединять их в структуры. Я не нищий духом. Всегда моя голова будет забита какой-нибудь дрянью, и эта дрянь не даст покоя. Меня не пустят в Царствие Небесное. Откуда взялась во мне эта дрянь? Неужели папа с мамой? Неужели они, когда читали мне первые книжки, учили буквам, цифрам и прочему, водили в планетарий, рассказывали о звездах и показывали созвездия, не ведали, что творят? Они думали, что спасают меня от жестокостей мира, что чем больше буду знать, тем легче буду жить? Они так думали, потому что так думали все и делали по инерции вместе со всеми? Поток сопротивляться трудно. Особенно если думать, что поток – это очень хорошо.

Неужели малолетка прав? Ведь теперь куда ни глянь – везде решетки. В книгах – решетки букв. В небе – решетки созвездий. Везде, куда ни ткнуть, и вот – я в тюрьме.

Я спустился с холма, и будто все закончилось. Будто не было дядьки в расхристанном пальто, которому завидовал весь кинозал. Осталась только газета, доказательство чуда, послание добрых сил. Хорошее настроение улетучилось, остались только смутные воспоминания о малолетке. Вспоминать малолетку было неприятно из-за его дебильной фразочки «Ищите причину бед в себе».

Эта модная фразочка неслась отовсюду. Из динамиков проезжавших мимо машин, телевизоров, случайно подслушанных разговоров. В разных вариациях, но суть одна.

Одна девочка жаловалась на жизнь, а другая, как заправский психолог из воскресной телепередачи «Разберитесь в себе», говорила:

– Что ты жалуешься? Разберись в себе, и все будет нормально.

Я догадывался, что эта мысль навеяна богатыми жлобами, чтобы бедные жлобы не замышляли против богатых недоброе и думали, что сами виноваты. Придумали ее, чтобы обезопасить себя, как малолетка обезопасил себя от лохов, спрятавшись за широким столом на самой вершине холма. Это было так очевидно, что я смеялся. Так любой дурак мог стать психоаналитиком. Зачем тратиться на учебу в институте пять лет, чтобы потом на любой вопрос всем подряд го-

ворить: «Вам плохо? Разберитесь в себе!»?

Эту фразочку знали все и все равно платили деньги, чтобы услышать то, что давно знали. Малолетка был таким же, как я в детстве, – нищим духом. Если бы он был таким же взрослым, как я сейчас, то не сидел бы на своем холме за широким столом. Он поступил по-детски: не тратил время и деньги на учебу, а сразу сыграл психоаналитика, и у него получилось. Так же и я могу сыграть: сидеть в кресле, курить шмаль и говорить: «У вас проблемы? Разберитесь в себе. Возможно, причина бед кроется в вашем детстве».

54

Возможно, добрые силы хотят, чтобы я стал психоаналитиком. Подсунули газету, привели на холм. Три раза бесплатно. Все для того, чтобы я увидел: любой дурак справляется с этим делом. Самая халявная профессия для тех, у кого нет профессии. Может быть, халявней режиссера.

– Чем занимаетесь?

– Я? Психоаналитик. У меня офис на холме.

Фальшивый режиссер настоящих фильмов не снимает, а фальшивый психоаналитик может заработать настоящие деньги. Наверное, добрые силы хотят, чтобы я стал фальшивым психоаналитиком и заработал настоящие деньги, чтобы снова стать фальшивым режиссером. Ведь чтобы быть фальшивым режиссером, нужны настоящие деньги.

Стать психоаналитиком просто. Достаточно снять офис на холме и дать объявление в газете. Я дал объявление в газету, в ту самую, что прибилась к моим ногам.

«СЕАНС У ПСИХОАНАЛИТИКА. БЕСПЛАТНО».

«БЕСПЛАТНО» выделил жирным шрифтом, чтобы бросалось в глаза.

Короче, я скопировал объявление малолетки, только ярче. Зачем изобретать велосипед? Все давным-давно изобретено. Добрые силы дали пинка, а мне осталось быть послушным.

Город большой. На семи холмах. Так говорят – город на семи холмах. Так прописано во всех рекламных проспектах для туристов.

«ГОРОД НА СЕМИ ХОЛМАХ!»

Число семь считается счастливым и привлекательным для людей, поэтому холмов семь, а не пять или восемь. Три средних холма занимает центр города. Старинные дома, похожие на дворцы. Высокие потолки, толстые стены, закругленные окна до самого фундамента. Памятники архитектуры и просто памятники. Магазины, кафе, рестораны. Здесь гуляет на-

род. Расслабляется, покупает, продает. Много красивых женщин. Мужчины тоже пытаются выглядеть красиво, но у женщин получается лучше. Один из центральных холмов поместил малолетка. Осталось два. На одном больница. На другом – университет. Возле университета ботанический сад, где гуляют онанисты. Остальные четыре холма не пригодны для офиса. Два крайних – промзона. Там дымят заводские трубы. Издалека и в плохую погоду холмы с дымящими трубами похожи на вулканы. Вершину шестого холма занимает стадион. Вокруг стадиона жилые дома. Панельные и блочные многоэтажки. В них жарко летом и холодно зимой. Седьмой холм – тюрьма.

57

Все, что у меня было, – это газета. Она меня выручила один раз. Заставила двигаться и подсказала, где достать денег, чтобы выкупить жизнь. Газета оказалась золотой, на все случаи жизни. Нужен офис на холме – и вот, пожалуйста, рядом с рекламой психоаналитика нашел объявление «Сдается в аренду помещение под офис».

Я позвонил. Офис на вершине холма – то что нужно, но дорого. Без денег все дорого. Снова полистал и обнаружил объявление о продаже автомобиля, а чуть ниже, наискосок, – о покупке гаража.

«Это не простая газета, – твердил я себе, – не простая».

Я ничего не знал наверняка, строил догадки, поэтому все принимал на веру, а иначе как жить? Без веры ничего не бывает. Так сказали в церкви. Меня занесло туда после того, как побывал у малолетки. Я не случайно туда попал. По пути домой стояла церковь. Она там всегда стояла.

Я верил газете – ее подбросили хорошие силы. Самые неожиданные сочетания могут принести пользу. Я соединил прямой чертой два объявления – о продаже машины и покупке гаража. Так они стали связаны между собой.

Объявления о продаже и покупке – денежные объявления. Покупка-продажа, где-то между ними должно быть бабло. Я не верил глазам. Случайно или нет, но прямо посреди черты, что связывала оба объявления, прямо между ними, красовалась нескромная реклама о выдаче беззалоговых кредитов.

Это было совершенное чудо. Или научный подход. Может быть, случайность. Так должно было случиться, и так случилось – это я называю случайностью.

58

Увлеченный совпадениями, я соединял и соединял, словно прокладывал маршрут по карте. Таких неожиданных сочетаний в газете было много. Теперь нужно было что-то с ними делать, чтобы они принесли пользу.

Между «арендой помещений» и «скупаем семена подсолнечника» обнаружилась реклама «Жалюзи, шторы, гардины,

ролеты и козырьки».

Прямо под «жалюзи» – яркое и броское: «Кондиционеры – акция!!!»

Дальше, в самом углу, – маленькое незаметное объявление: «Военторг: магазин уцененных товаров, все для офиса и рыбалки».

Следующая страница порадовала рекламой «Табак со всего света, кофе и прочее: оптовые и розничные поставки».

Рядом желтое объявление службы такси «Чикаго-911».

Здесь же – «Открытие бара Капоне». Рекламу украсила графическая голова щекастого парнишки в шляпе и сигарой в зубах.

Дальше – реклама оружейного магазина «Шериф».

Между «Шерифом» и «баром Капоне» – «Студия полиграфии: наружная реклама, визитки, флайеры и каталоги».

В этой газете было все что нужно. Я не знал, какая во всем этом польза, но знал, что скоро узнаю. Я соединил все что мог, и в газете не осталось ни одного свободного объявления. Всем нашлась пара. Расчерченная линиями, она напоминала небо в решетках созвездий, каркасы мифических существ.

В тюрьме не видно звезд и созвездий. Ночью гулять не водят, а в решку светит мощный фонарь. Однажды ночью, лежа на наре, я думал о том, как хорошо сейчас во дворике

для прогулок. Не видно решетки и замызганных серых стен.

Ночью все одного цвета и сливается в одно пятно. Только звезды светят ярко, как в планетарии. В планетарии лектор водила световой указкой по звездам на потолке, и я видел, что разбросанные как попало звезды соединяются линиями и получаются фигуры. Затем, на настоящем небе, папа показывал Большую Медведицу, Кассиопею и т. д. С тех пор звездное небо не звездное небо, а набор геометрических фигур.

60

Сразу с воли меня поместили в этапку. Камера на двадцать нар. Специальная хата для тех, кто заехал в тюрьму со свободы. Люди с остатками вольного воздуха, без тюремных воспоминаний и привычек. Утром я пил кофе в кафе, а в обед – чифирь по два глотка на брата из одной кружки, по круговой традиции.

Мне не хватало шампуня. Волосы быстро пачкались. В них моментально въелась тюремная грязь. Провонялся казенным домом, а одежда, растеряв вольный лоск, завяла, как цветы.

Все вокруг было надтреснутым и щербатым. Пахло тщетою и пердой минувших дней. Разбитые окна, вонючий дальняк, грязные стены, ржавые нары – такими они были всегда, новыми их никто не видел. Воздух спертый, а значит, мерт-

вый. Комары не залетают, только мухи, но не мухи, что на говно садятся, а маленькие плодовые мушки дрозофилы, над которыми ученые ставят опыты, выводя мутагены.

Я думал о бациллах и лишний раз боялся дотронуться до поверхности. Повсюду сновали маленькие серые мышки, не больше наперстка. Такие же ручные, как большие белые лабораторные крысы. Заползали в штанину и выползали из рукава. Никто их не трогал. Подкармливали крошками пайкового хлеба и говорили, что они такие же, как мы.

61

Этапка была как мое настроение. Люди были некрасивыми и ассиметричными, как калеки. Для них я тоже был калекой с грязными волосами.

Волосами мучился очень сильно. Голова чесалась, жир капал за воротник, и спина потела. Голову брить не хотел. Свобода не полностью выветрилась из моих пазух, и расстаться с волосами было так же трудно, как смириться с тюрьмой. Пусть грязная, но прическа, а не эковский череп с буграми и шрамами.

В хате было девять человек. Все разные, как в структуре классической пьесы. Я один имел со всеми что-то общее, будто меня расчленили на восемь частей и я стал общим знаменателем для всех восьми. Я представлял себя аккордом или мелодией из восьми нот. Видел со стороны свои разные

стороны, будто хату наполнили кривыми зеркалами. Лишних не было, и одинаковых тоже. Я мог, если бы искренне поверил в это чудо, так и называть их: Псих, Дурак, Конченный, Наркоман, Гнида, Тихий, Громкий, Ублюдок.

После того как оказалось, что я нахожусь в своей голове, как матрешка в матрешке, а стены – это кости черепа, тюрьма перестала быть мрачным местом и превратилась в дурдом. Меня окружили люди, которые были частями меня, особенно когда засыпал и слышал их голоса сквозь сон. Они чутко реагировали на мое настроение, как ласточки на погоду, но считали себя полноценными людьми со своей волей и собственным мнением на то, что нравится и не нравится. Меня подмывало сказать им, что они всего лишь мои отражения, но я боялся, что они не поверят и начнут против меня войну. Я знал тайну и молчал, а они жили своей жизнью, а на самом деле – моей.

Это не фантазия. Все происходило не в выдуманном прошлом или неизвестном будущем, а в настоящем. Я успешно проверял. Ставил эксперименты и убеждался, что я – волшебник. Я грустил – и все грустили, а думали, что грустят от своих печалей. Мне хотелось знать, что их гложет. Оказалось, то же, что и меня. Я хотел на волю, и они хотели. Боялся будущего – они тоже. Все совпадало. Они рассказывали друг другу истории и жаловались на жизнь: «Не мы такие – жизнь такая», не подозревая, что разговаривают теми же фразами и словами, какими пользуюсь я. Мое настроение улучшалось –

и они взбадривались, а думали, что от чифиря. Я задумчивый лежал, смотрел в грязное оконце – и все затихали, тихо перешептывались.

Я не был в центре. Не люблю быть в центре. Был в стороне. Почти не разговаривал. Меня не замечали даже, когда ходил на дальняк и шумел водой. В остальное время лежал на наре. Когда не спал, то наблюдал, а они суетились. Никто не догадывался, откуда исходят лучи, и о лучах не догадывались. Я опасался, что наша связь нарушится, когда в хату заедут новые люди. Зря опасался. Лишние здесь не появлялись. Я распадался на двенадцать, четырнадцать, восемнадцать частей. Когда терял контроль над собой и мысли становились агрессивными, бывали стычки. Чем сильнее был сосредоточен, тем неуправляемей становились люди. Я понимал, что гневаться на них так же глупо, как гневаться на свои мысли. Привязываться к ним такая же глупость.

Шероховатости были, но они разглаживались. Я снова грустил – и все грустили. Спал – и все исчезали. Сидел, думал – и все зевали. Кто-то заводил жалостливую историю про друга, который отсидел от звонка до звонка, вышел на свободу и попал пьяный под трамвай. Кто-то рассказывал про девушку, которая, чтобы вызволить парня из тюрьмы, отсодала у всего райотдела от начальника до дежурного. Парня не выпустили, он отсидел, вышел и простил ей все. Стали они жить счастливо и не вспоминать. Все единодушно согласились, что девушка хорошая, только шлюха, а парень мудака,

но молодец, что простил. Таких историй было много. На воле такие истории не рассказывают. Это все истории о людях, которые попали в тюрьму и вышли на свободу. Именно такие истории я хотел слушать.

62

Я думал, что схожу с ума. С желтой книгой все устаканилось. В ней было написано, что это порядок вещей: все вещи складываются по порядку. Даже хаос – такой порядок. Одно только не складывалось: если я волшебник, то почему до сих пор в тюрьме?

На ментов и вертухаев не расчленялся. Они сделаны из другого теста. Они были частью декораций, как шербоные стены и вонючий дальняк.

63

Желтая книга помогала. Когда я брал ее в руки и что-то читал, то всегда вспоминал газету. Газета стала моей картой. Путеводной нитью Ариадны. Я помню мифы Древней Греции из детства. Мама читала книжку про Ясона и двенадцать подвигов Геракла, а потом я сам читал, когда выучился читать. Теперь сравниваю газету с путеводной нитью, картой и волшебным клубочком Иванушки-дурачка. Эти сравнения

вселяли надежду на чудо и на все, что не просто так, а идет из древности и проверено временем.

64

Деньги взял у ростовщика. В старые времена, когда люди ездили в каретах и на лошадях, существовали конторы, где деньги давали в долг под проценты. Назывались такие конторы ростовщическими. Там сидел старый еврей или старушка-процентщица со своей отсталой сестрой. Они давали людям деньги в долг с условием, что те вернут им больше, чем взяли. Но мне было плевать на долги. Тюрьма была страшнее.

Сегодня такие конторы называются «кредитными союзами». Сидят там симпатичные девицы и мармеладными головами разговаривают по телефону. Я позвонил в одну такую контору по объявлению между куплей и продажей. Ответили сразу. Согласились выдать сумму. Небольшую, но достаточную для аренды офиса, и еще останется на всякие мелочи.

– А в чем подвох? – спросил я.

– Ни в чем, – ответила девушка, голос у нее был приятный, как у секса по телефону. – Ни в чем, – сказала она. – Мы даем, а вы возвращаете.

– А если не верну?

– Вернете. – Ее тон был ответом на все вопросы.

– Когда можно подъехать за деньгами?

– Когда угодно. Мы работаем до шести.

Я подъехал.

Выдали не сразу. Сначала задавали вопросы, как в анкете у психоаналитика.

– Как вас зовут?

– Чем занимаетесь?

Все по старому сценарию.

Передо мной сидела девушка. Красивая. Не такая, как я представлял, но красивая. Маленький рот, тонкие губы, но не противные, большие глаза, спрятанные за плоскими стеклами прямоугольных, как у Берии, очков. Такие очки носят девушки с нормальным зрением, чтобы выглядеть умно.

– Чем занимаетесь?

– Я режиссер.

– Правда??

– Ага.

Получив деньги, я написал расписку, что согласен со всеми условиями.

65

После аренды офиса осталось еще на мелкие расходы. Старая футболка, джинсы и кеды уже не устраивали. В военторге купил костюм. Легкий летний костюм металлического цвета. Пара: пиджак и брюки. Купил шляпу, за которую не станут крутить пальцем у виска, потому что шляпы дав-

но не в моде. Эта шляпа была что надо. Купил кондиционер и жалюзи, бутылку «Green Label», коробку сигар «Kohiba», длинные спички «Dunhill» и стакан с толстым дном. Все нашел по объявлениям «Табак со всего света», «Кондиционеры – акция!!!», «Шторы, жалюзи, гардины».

В студии полиграфии заказал визитные карточки. Мое имя белым по черному, адрес и телефон. В оружейном магазине «Шериф» приобрел муляж кольта сорок пятого калибра, как у Грязного Гарри.

В офисе был туалет. Совмещенный санузел: раковина и унитаз. Дверь в уборную обтянул черным дермантином. Издалека она казалась кожаной. Перед дверью поставил широкий стол. Прибил табурет к полу в метре от стола. Переоделся в костюм, надел шляпу, взял штук пять сигар из коробки, сунул их вместе с визитками в нагрудный карман, а в другой карман спрятал сложенную вчетверо газету. Без нее теперь никуда.

Справа визитки, слева газета. Получилось подобие бронежилета. От пули он не спасет, но сделает мою грудь могучей, а фигуру внушительной. Хотелось говорить хриплым баритоном и цельными устоявшимися фразами, как герои кино.

Мне все казалось, что на меня кто-то смотрит, какой-нибудь зрительный зал следит за каждым моим движением и кайфует оттого, что видит. Я старался не разочаровывать его, и мои движения, от походки до мимики и поворотов головы, были продуманы до мелочей.

Мысленно я ставил себя на место зрителя и представлял, как выгляжу со стороны. Мне хотелось думать, что в зрительном зале сидят добрые силы. Они смотрят, как я делаю, и слегка завидуют парню, жизнь которого сплошное дерьмо.

66

Одетый во все гангстерское времен сухого закона, наведаясь в бар «Капоне». Как раз попал на гангстерскую вечеринку «Чикаго тридцатых».

Без проблем преодолел фейс-контроль. Приняли меня за ряженого, который нарядился в гангстера, чтобы пройти бесплатно. Газета, сложенная вчетверо, грела мое сердце. Я видел, что она помогает, и больше не сомневался.

Пройдя к барной стойке, показал бармену реase. Бармен все понял и налил виски на два пальца. Из дозатора плавно потекла бурая жидкость, похожая на бензин. Если ее выпить, то сразу становится ясно, зачем ее пьют и закусывают сигарным дымом. Поискал глазами отражающую поверхность. Зеркальная стенка, уставленная бутылками, – то что нужно. Пора завязывать знакомства и дарить визитные карточки. Скоро газета с моим объявлением выйдет в свет, и карточки обретут двойную силу. Оставил бармену с чаевыми пачку визиток – пусть полежат. Подхватил стакан и ушел вглубь зала.

Становилось многолюдно. Шляпу снял и бросил на сво-

бодный столик. Голова тонула в облаках табачного дыма. Виски медленно убывало. Людей становилось больше. Я их мысленно соединял, как рекламу в газете. Вскоре всех опутал своей паутиной и уже знал, к кому подойду в первую очередь, к кому – во вторую, а с кем связываться не стану.

Я сидел, смотрел, курил и пил, а люди прибывали и прибывали. У меня началась маленькая клаустрофобия. Я испугался, что в тесном помещении начнется давка. Люди теснились, но двигались потоками, друг другу не мешая. Это напоминало копошение червей. Когда черви копошатся, то не давят друг друга, им это нравится. Здесь было как у червей. Царило суетливое возбуждение. Все из-за девушек. Их было много. Для них вход всегда бесплатный, специально, чтобы приманить парней, для которых вход всегда платный. Это хитрая стратегия: парням платно, а девушкам бесплатно. Благодаря стратегии выдерживались идеальные пропорции: немногочисленные парни возбуждались от большого количества девушек, а многочисленные девушки – от малого количества парней.

Администрация клуба убивала двух зайцев. Привлекала денежных мальчиков и сэкономила на охране порядка, потому что действовал природный порядок вещей, когда вещи будто сами складываются по порядку, друг другу не мешают, а всеобщее возбуждение отбивается звонкой монетой. Так наглядно бабло побеждало зло.

Девушки в основной массе клубились на танцполе, ста-

рательно изгибаясь телами. Парни сидели в красных креслах лаунж-зоны, экономно потягивая сложные коктейли или простое пиво из высоких бокалов. Глядя на девушек, они выбирали самых способных.

Парней было мало, и они могли себе позволить выбирать. Никто им не мешал. Вся нищая шваль осталась за бортом. Денежный фильтр на входе отсеивал лишних, и внутри получалось красиво, как инь и ян – древнекитайский символ гармонии. На него можно было дрончить. Я впал в легкий транс. Возможно, сказалось выпитое натошак. Потекли уютные мысли, что все к лучшему в этом лучшем из миров и как разумно и прекрасно устроена вселенная.

Люди из администрации, несомненно, мудры, раз до такого додумались. Мудры, как вождь, придумавший деньги, и малолетка, засевавший на холме. Что-то они знали, чего другие не знали, а только догадывались.

67

Я полез в карман за сигарой. Газета, плотно хрустнув, напомнила, что это она привела меня в клуб, где я увидел красивый инь и янь. Люди из администрации. Надо с ними встретиться и поговорить. Наверное, добрые силы хотят, чтобы я открыл собственный ночной клуб, и показывают, как это сделать, а малолетка нужен для того, чтобы я сюда пришел.

Окрыленный новой идеей, я допил последние капли и приготовился начать. Но пришел диджей и все испортил. Он завел громкую музыку. Смесь техно-хауса с вкраплениями бензопилы и автоматных очередей. Копошение обрело ритмичность, похожую на сердцебиение. На него навесили всяких красотостей, но масса двигалась, подчиняясь гулкой барабанной дробь, понятной даже глухому. Простейшее бесконечное повторение одной ноты. Танцполе вздымалось и опадало. Я закрыл глаза и почувствовал, как мои внутренности дрожат крупной дрожью, словно в грудь вживили большой динамик.

Мое сердце следовало за музыкой. Музыка ускорялась, и сердце стучало быстрее. Замедлялась, и сердце почти останавливалось. Внезапно прерывалась на мгновения, и сердце, споткнувшись о тишину, замирало, повиснув в груди на тонкой нити. Ритм становился рваным, и у сердца начиналась аритмия. Диджей в наушниках прыщаво гримасничал и кивал в такт своей гидроцефальной башкой. Я подвергся маленькой паранойе и поверил, что моя жизнь зависит от прыщавого подростка за микшерским пультом. Микшерский пульт превратился в пульт управления моим сердцем. Я боялся, что он остановит музыку и выключит мою жизнь. Стараясь двигаться невпопад, чтобы разорвать музыкальные нити, делающие из меня марионетку, я ринулся в самую гущу танцполя. Все вокруг рифмовали, а я занялся простой, серой, сбивчивой прозой жизни. Взялся раздавать визитки.

Я их рассовывал куда попало. Никто не брал, но я настаивал. Просовывал в щели и складки одежды, как щипач, незаметно возвращающий награбленное, надеясь оставить о себе добрую память.

Я был нарушителем или тараканом, которому медведь на ухо наступил. Музыка была громкой, но мои действия были нелепыми, и мало-помалу я приходил в себя. Раздача визиток отвлекла от паранойи, и прыщавый диджей больше не контролировал мое сердце.

Музыка продолжала стучать в мою грудь, но теперь музыка следовала за сердцем, а не наоборот. Усталый, я вернулся за свой столик. Столик был занят, а шляпа убрана на стул.

68

За столиком сидели две подружки. Первая и вторая. Было заметно, что пришли они без парней, прельстившись халявным входом, и теперь искали, кого бы развести на выпивку и на пожрать.

Чтобы чем-то занять руки, я снова достал сигару. Курить не хотел, но сигара делала меня бывалым дядькой, и в отражении я выглядел неплохо.

– Стоит занять чем-нибудь рот – и совсем другое дело.

Кто это сказал? Мужской голос. Рядом никого не было, кроме двух девах.

Я разговаривал сам с собой. Эта привычка досталась от

матери, как цвет волос, группа крови и врожденные дефекты. Моя мать разговаривала сама с собой, и я разговариваю сам с собой. Это не монологи, а диалоги. Обычно это воображаемый мудака, с которым ругаюсь. Или флирт с воображаемой красоткой. Например, я постеснялся кому-то набить морду или побоялся признаться в любви, а мозги продолжают сочинять, что было дальше, если бы да кабы... В этот раз я разговаривал с малолеткой. Точнее, я слушал, а он говорил. Обычно в таких разговорах слушает воображаемый мудака, ибо ему нечем крыть. Здесь же было наоборот.

Малолетка: «Есть много вещей для рта, их продают в магазинах. Сигареты, конфеты, леденцы на палочке, но сигара что-то особенное, да? Знаешь, что это такое? Табачные колбаски, которые дорого стоят, дороже, чем все остальное для рта».

С эмблемы бара улыбался щекастый парнишка в шляпе. Его пухлые губы сжимали палку дорогой кубинской колбасы.

«Это Аль Капоне, – сказал малолетка. – Главарь чикагской мафии. Альфа-самец – крутой среди крутейших. Он предпочитал сигары всем остальным вещам для рта. На всех фотографиях Аль Капоне с неизменной сигарой в зубах.

Если молодому Капоне добавить морщин, то получится старый Черчилль. Не замечал? Оба предпочитали сигары и были похожи на губастых буржуинов из сказки про Мальчиша-Кибальчиша: маленького мальчика в буденновке, звер-

ски замученного губастыми буржуинами, – такими круглоголовыми, лысыми, пузатыми человечками в черных цилиндрах и фраках.

Кубинские лидеры Фидель Кастро и Че Гевара не были буржуями, они были повзрослевшими кибальчишами, но курили сигары и не стеснялись, ибо знали, что сигара преображает всякого мужчину, делает его мужественным в отражении витрин и на обложках TIME, так же, наверное, как huу во рту преображает женщину, делая ее женственней, а безобразную женщину – желанней.

«Женский ebalnik и член – это вечная тема, как любовь и звездное небо», – так говорил Рокко Сифредди, а он знал, что говорил.

Если Рокко не прав, тогда почему на девушек, делающих минет, хочется смотреть бесконечно, как на пламя свечи, морской прибой и человека, занятого любимой работой? Недаром huу в переводе с монгольского – колбаса, а значит, сигара – это huу табачных листьев. Получается, что самые крутые дядьки, которые курят сигары, – это девушки, сосущие huу? Видимо, это не просто совпадение, ведь и сигарный дым такой же густой и жемчужно-белый...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.